Боль.

Одно это слово подытожило нынешнее состояние Руби. В один момент она была занята обслуживанием своей гордости и радости Кресент Роуз, а в другой — лежала у подножия груды тел. Болезненные стоны доносились от других, лежащих над ней, Янг, Блейк и команды JNPR без их бесстрашного лидера.

— Слезьте… с меня… вы, болваны! — приглушенный крик исходил от её несчастной напарницы в самом низу штабеля. Единственным ответом Руби было небольшое «уф», когда локоть Янг вонзился ей в бок при попытке выбраться.

С некоторым трудом семерым удалось выбраться из кучи конечностей и тел. Поднявшись на ноги, они обнаружили, что стоят в пустом кинотеатре с тёмным экраном.

— Мои блинчики! Куда они делись? РЕННИ! МОИ БЛИНЧИКИ ПОХИТИЛИ! МЫ ДОЛЖНЫ ИХ ВЕРНУТЬ! — Нора схватила Рена за плечи и начала яростно трясти его.

— Нора, нет. Блинчики мы можем съесть позже. Где мы вообще находимся? — Рен слегка щёлкнул Нору по носу, чтобы успокоить ее, а затем огляделся вокруг. — Я не вижу выхода, и где Жон? Он был с нами до… до того, как случилось то, что перенесло нас сюда.

— Вашему другу сейчас нездоровится, но не бойтесь, он в полном порядке, — раздался над их головами неизвестный голос. — Он сможет присоединиться к вам позже, а может и нет, все зависит от «босса».

— Что за… Кто ты?! — Янг подняла Эмбер Селику и застыла в шоке, наблюдая, как они рассыпаются в пыль у нее на глазах.

— Здесь нет места насилию… только если я не решу, что это будет иметь какой-то смысл. Вы получите свое оружие обратно, когда уйдете. У меня столетиями не было подходящего имени, но вы можете называть меня Бланк, я — смотритель этого места.

— Хмпф, так зачем ты нас сюда приволок? — спросила Вайсс, хватаясь руками за пропавший Мертенэстер.

— О, вы все здесь, потому что мне скучно.

— Что, простите?! — возмущённо промолвила Вайсс.

— В последнее время это место посещает очень мало людей, а смотреть фильмы в одиночестве на большом экране весело первые пару раз, но это быстро приедается. Поэтому я решил пригласить сюда зрителей просто ради смеха. Расслабьтесь, время застыло за пределами этого места, когда вы вернетесь, все вернется к тому времени, в котором вы его оставили.

RWBY и NPR обменялись неуверенными взглядами, но все равно решили занять свободные места: без ясного пути домой и в присутствии некоего исказителя реальности следовало пока просто подыграть.

— Итак… что мы смотрим? — спросила Пирра, изо всех сил стараясь не думать о пропавшем товарище по команде и не очень тайной любви.

— Рад, что ты спросила, это будет сборник приключений Жона Арка со всей вселенной. Действие каждого фильма происходит в одной из трех реальностей: полностью отдельной вселенной, возможном будущем или альтернативной реальности, — ответил Бланк, и погасил свет в зале.

— А? Может, и стоит посмеяться над приключениями Блевунчика, раз уж на то пошло. Так у тебя есть что-нибудь… О, похоже, есть.

Как по волшебству в её руках появилось ведро попкорна. Остальные постарались устроиться поудобнее, пока экран оживал.

— О да, Бледноликий… ты пришел в нужное место, — произнес пожилой мужчина в шляпе, подкатывая свою коляску к фигуре, лежащей на столе. — Ярнам — дом Церкви Исцеления.

Фигура издала влажный кашель, и знакомый голос произнес. — Кха… У меня осталось мало времени, сможет ли это вылечить мою болезнь? — кашель сотрясал тело Жона, его руки испачкались в крови, когда он вытирал рот.

— Конечно, тебе нужно только разгадать её тайну. Но с чего начать такому чужаку, как ты? С малого, с частички собственной крови Ярнам. Но сначала тебе нужен контракт.

— Подожди, а что не так с Жон-Жоном? — на лице Норы появилось обеспокоенное выражение, когда она увидела, как её лидер подписывает контракт, борясь с очередным приступом кашля.

— Жон Арк этой вселенной страдает от неизлечимой болезни, и единственное, что способно её вылечить — это Бледная кровь. Кровь будет подавлять эффекты болезни, пока он не вылечится, но… ну, вам придется просто наблюдать.

— Хорошо, все подписано и скреплено печатью. Теперь начнем переливание. Не волнуйся, что бы ни случилось, ты можешь считать, что все это просто дурной сон, — старик рассмеялся, а зрение Жона резко тускнело. Капельницы вводили в его организм знаменитую «кровь Ярнама». Не в силах больше держаться в сознании, его охватила непреодолимая дремота.

Через какое-то время Жон вернулся в реальный мир. Старого доктора нигде не было, а клиника была погружена во тьму. Он издал небольшой стон, и его внимание привлек странный звук слева от него.

Не найдя в себе сил подняться, он мог лишь с приглушенным ужасом наблюдать, как из быстро увеличивающейся лужи крови появляется зверь. Огромный, залитый кровью волк начал медленно подходить к нему, когтями прочерчивая длинные борозды в полу, не оставляя ни малейшего сомнения в том, что его ждет неминуемая смерть.

— Давай, давай, вставай, болван, — пробормотала Вайсс себе под нос, у неё было не самое лучшее впечатление от Арка, но это не означало, что она хотела просто сидеть и смотреть, как кого-то из её знакомых убивает монстр.

Зрители с затаенным дыханием наблюдали, как волк поднял когти и дотянулся до лежащего Жона, а затем выдохнули с облегчением, когда зверь спонтанно вспыхнул и попятился назад.

Жон следил за тем, как зверь корчился, размахивая горящими конечностями, в то время как остальное его тело было охвачено всепоглощающим огнем. Волк упал на землю и несколько раз судорожно дернулся, после чего превратился в пепел, а Жон слегка расслабился, заметив, что огонь не перекинулся на остальную часть комнаты, и новый монстр не появился, чтобы убить его.

Его дыхание сбилось, когда он заметил, как крошечная рука вцепилась в край стола, на котором он лежал, и в его поле зрения появилось уродливое существо, похожее на импа. Всё ещё не в силах пошевелить конечностями, Жон слабо выругался, когда к нему стали подползать другие импы. Его зрение снова потускнело, и последнее, что он увидел перед тем, как тьма снова поглотила его, была одна из тварей прямо над головой, с открытым ртом или пастью, наполненной слишком большим количеством зубов.

Руби «пискнула» и натянула капюшон на глаза, не в силах смотреть дальше. Остальные были не в лучшем состоянии: лица некоторых из них окрасились в зеленый цвет.

— Ага, вот ты и стал Охотником, — произнес мелодичный голос, и Жон очнулся, в панике хватаясь за грудь.

— Я… жив? — в панике пролепетал Жон.

Задыхаясь от страха, блондин осмотрел себя и не нашел ничего страшного. Не было никаких следов лужи крови, пепла гигантского зверя или кого-либо из тех… тварей, которые подходили к нему.

С небольшим ворчанием он соскользнул со стола и сделал несколько неуверенных шагов по комнате; на его лице появилась небольшая улыбка, когда он ощутил, что кровь бурлит в его жилах. — Я… я чувствую себя живым. Болезнь… она отступила? Ах… ха-ха-ха… ха-ха-ха!

Не в силах сдержать смех, Жон начал хохотать, чувствуя себя лучше, чем когда-либо в прошлом. Даже до того, как он заболел, он не помнил, чтобы когда-нибудь чувствовал себя так хорошо.

— Подожди, это был всего лишь сон? Буууу! Это что фильм ужасов! — пожаловалась Янг и бросила горсть попкорна в экран, с легким весельем наблюдая, как закуска испарилась в воздухе, не успев с чем-нибудь соприкоснуться.

— Ну, это ведь хорошо, Жон в безопасности, и он вылечился… так? — произнесла Пирра, не зная, что сказать по этому поводу.

— Хе-хе, не совсем, — с усмешкой ответил Бланк.

Оглядев опустевшую клинику, Жон подобрал небольшую записку, исписанную почти неразборчивыми каракулями. — Ищи Бледную Кровь, чтобы выйти за пределы охоты? Что

это… гха! — Жон схватился за голову, чувствуя, как её пронзает острая боль.

Спотыкаясь, он скатился по лестнице, и первоначальная эйфория от того, что он жив, улетучилась, оставив после себя лишь смутное ощущение неправильности происходящего. — Мои… мои воспоминания, что же… уф…

Жон списал это на возможный побочный эффект лечения, но его разум был затуманен, как будто он всё ещё видел сон. Он мог вспомнить свое имя, и то, что он был здесь, чтобы найти лекарство от своей болезни… что это была за болезнь?

— Не могу вспомнить… Я… о черт.

Мысли Жона внезапно оборвались, когда он спустился на этаж ниже: в углу сидел один из массивных чудовищ-волков и пировал трупом.

В панике он сделал шаг назад и вздрогнул, услышав хруст стекла под ногами. Волк прекратил трапезу и повернул голову, глядя на дрожащего от страха чужака; из его горла вырвался рык, затем он сдвинул свое тело, чтобы полностью развернутся к новой добыче.

От ужаса Жон бросился к выходу, отчаянно пытаясь добраться до безопасного места. Пригнувшись, волк пролетел над головой и врезался в деревянный шкаф, одним ударом превратив мебель в хворост.

Выбежав на улицу, он помчался к главным воротам здания и стал громко звать на помощь, в то время как зверь бежал за ним по пятам. За углом он столкнулся с двумя странно деформированными людьми, один из которых держал в руках серп, а другой — коктейль Молотова.

С рычанием человек бросил коктейль в зверя. Жон снова вздрогнул, когда нечеловеческий рев горящего зверя резанул его по ушам. Вздохнув с облегчением, он подошел к дуэту, чтобы поблагодарить их за помощь.

— С-спасибо за помощь. Что, черт возьми, происходит…

Его вопрос оборвался, когда серп вонзился ему в горло, а затем с силой был вырван. Он упал на колени, сжимая горло в тщетной попытке остановить поток драгоценной жидкости.

Второй удар распорол ему спину и повалил его на землю, в медленно увеличивающуюся лужу собственной крови. Когда темнота снова поглотила его, последнее, что он смог разобрать, был крик одного из мужчин о том, что это он во всем виноват.

Зрители в шоке и тишине наблюдали за тем, как их друга жестоко убили без всякой причины. Руби обнимала свои колени и тряслась на своем месте, пока Янг пыталась её утешить. Пирра

хваталась за несуществующее оружие, в то время как Нора начала бредить о том, чтобы сломать им ноги, а затем сломать все остальное. Сам Рен наблюдал за происходящим с отрешенным выражением лица, но руки, сжатые в кулаки, говорили о многом. Вайсс и Блейк были в несколько лучшем состоянии, но даже на их лицах было выражение презрения.

— Это… ужасно. Быть убитым после избавления от болезни? Это какая-то шутка? Какой в этом смысл! — Наследница Шни задала вопрос парящему шару.

— Мир несправедлив, мисс Шни, не всегда бывают счастливые финалы, думаю, вы, как никто другой, знаете об этом. Но расслабьтесь, эта история ещё не закончена, на самом деле это только начало, — Экран снова начал сиять и привлек внимание зрителей.

Холод.

Это было первое, что почувствовал Жон, когда поднял лицо с пола. Он очнулся в своеобразном саду, несколько надгробий выстроились вдоль дорожки, возле которой он очнулся, а в конце дорожки стоял маленький уютный домик.

— Я… умер… Это загробная жизнь? — задался вопросом Жон, оглядываясь по сторонам. Над головой висела огромная полная луна, а за пределами сада мир был окутан туманом. Вдалеке он различил лишь пару столбов, тянущихся к небесам, но не более того.

Затем его взгляд остановился на кукле, прислоненной к стене. Одетая в простой наряд, с длинными струящимися белыми волосами, она казалась не более чем простой куклой, которую кто-то оставил на улице. Но какой-то зуд в глубине души подсказывал ему, что кукла — гораздо больше, чем кажется, что он что-то упускает из виду.

— Я кукла? — Вайсс недоверчиво уставилась на экран, а Янг подавила хихиканье от неожиданности. Жон был «жив», и смеяться за счет Вайсс было предпочтительнее, чем вспоминать о казни Жона.

— Не совсем. Это просто образ, созданный по твоему образу и подобию.

Не обращая внимания на куклу, Жон последовал по тропинке к зданию, поскольку стоять на месте было бесполезно.

Он отступил назад в шоке, когда брусчатый пол начал пузыриться, и из-под земли появились те самые импы из его сна. Их крошечные руки поднялись к нему, предлагая серебряную трость и пистолет.

Он осторожно взял предложенные предметы, и краткий всплеск ясности пронзил туман в его сознании, когда к нему пришли знания о том, как пользоваться оружием. Сделав несколько пробных взмахов тростью, и глядя, как импы исчезают в земле, он щелкнул переключателем на трости, превратив её в зазубренный хлыст, который с треском рассек воздух.

Снова щелкнув переключателем и ударив трость об пол, Жон вернул её в прежнее состояние и удовлетворенно хмыкнул. Он был уверен, что никогда в жизни не использовал… «хитроумное

оружие», несмотря на затуманенные воспоминания, но это оружие хорошо чувствовалось в руках.

Трость с резьбой и охотничий пистолет — эти названия всплыли в его мыслях так же, как и то, что трость — это «хитроумное оружие», что бы это ни значило.

Руби задумчиво сузила глаза, рассматривая оружие на экране. — Трость, которая превращается в хлыст? Это конечно не Кресент Роуз, но думаю, она ему подходит. Но что это за пистолет, он такй… старомодный… и не в хорошем смысле.

— Технологии этого мира извращены, как и большинство других вещей в нем. С одной стороны, у вас есть оружие, которое устарело на столетия, а с другой — «хитроумное оружие», которое представляет собой нечто среднее между традиционным оружием и современным механическим оружием.

Если бы у Бланка были руки, он бы пожал плечами, но, как бы странно это ни было, это добавляло ему шарма.

— Привет? — воскликнул Жон, входя в здание. В инвалидном кресле, словно ожидая его прихода, сидел сгорбленный человек в потрепанном зеленом костюме и плаще.

— А-ха, ты, должно быть, новый охотник. Добро пожаловать в «Сон Охотника». На какое-то время это будет твой новый дом. Я… Озпин, друг Охотников.

Мужчина усмехнулся и выпрямился. — Сейчас ты наверняка в легком шоке, но не думай обо всем этом слишком много. Просто пойди и убей несколько зверей. Это для твоего же блага. Знаешь, так делают Охотники! Ты привыкнешь к этому…

— Профессор Озпин? Хм. Похоже, даже в другом мире он по-прежнему наставляет новое поколение Охотников, — пробормотал Рен себе под нос, сравнивая этого Озпина с тем, который был в Биконе, и отмечая общее сходство. — Интересно, какие секреты он скрывает.

— Эмм…ладно? Что это вообще за место? И… что, черт возьми, со мной происходит? Я… умер… то есть я помню, что умер, во всяком случае, умирал, и почему моя память в полном беспорядке? — Жон нервно засуетился, задавая шквал вопросов.

— Боже, Боже, ты очень любопытный, да? Когда-то это было убежищем для Охотников. Мастерской, где охотники использовали кровь для улучшения своего оружия и плоти. У нас не так много инструментов, как раньше, но… Ты можешь использовать все, что сможешь найти. …Даже куклу, если она тебе понравилась…

Вайсс покраснела от заявления Озпинса. — Н-нет. Директор не мог такое…

Янг разразилась смехом от дерзости слов Озпина. — Заставляет задуматься, а нет ли у нашего Озпина такой куклы для собственного…

— Сяо Лонг! — яростно прорычала Вайсс, её лицо окрасилось в яркий красный цвет, то ли от

смущения, то ли от гнева, определить было невозможно. — Не смей заканчивать свое предложение!

— Шучу! Шучу, — Янг подняла руки в знак капитуляции, а на её лице расплылась чеширская ухмылка. — Ну, за Озпина беспокоиться не стоит. Интересно, что будет делать Блевунчик теперь, когда у него есть своя собственная снежная кукла.

Смертельная бледность вернулась на лицо наследницы, и она уставилась широко раскрытыми глазами на экран. В её голове пронеслись мысли о том, как изувечить Жона Арка, если он хоть раз взглянет на куклу в непристойной манере, каждая из них была более жестокой, чем предыдущая.

— Ты мертвец, Арк. Мертвец.

— Ладно… Я… просто проигнорирую последнее предложение. Что ты имеешь в виду под усилением оружия и… плоти…

Озпин снова захихикал, прежде чем ответить. — Сила в крови, молодой Охотник. Каждое твое убийство, каждая капля крови, пролитая тобой, прибавляет тебе силы. Возвращайся сюда, в обитель Охотников, чтобы превратить отголоски в истинную силу. Ты будешь знать, что делать, когда придет время.

— Убивать?! Я не хочу ничего убивать! — Жон отпрянул в шоке, он пришел в Ярнам в поисках жизни, а не для того, чтобы стать каким-то убийцей.

— Хе-хе… у тебя нет выбора, молодой Охотник. Луна благословила тебя, твоя душа теперь привязана к этому месту, и только завершив охоту, ты освободишься. Такова цена за использование старой крови.

— Старая кровь? Какая старая кровь?! Ты несёшь какую-то чушь!

— Кровь, которая сейчас течет в твоих венах. Тебе ведь только что сделали переливание, не так ли?

— Я… я… это было просто… я просто пытался вылечить свою болезнь!

— То, для чего ты искал старую кровь, не имеет значения. Одни стремятся к власти, другие, как ты, ищут панацею. Все заканчивается одинаково. Либо ты становишься зверем, либо Охотником на зверей. Ты ведь видел их, не так ли? Обе стадии проклятия крови — среднюю и последнюю?

Жон с трудом сдержался, вспомнив двух волков, которые чуть не убили его, и безумных людей с неправильной формой тела, которые все-таки убили его. Его правая рука безвольно поднялась, чтобы потереть горло, где оно было разорвано.

— Я мог бы освободить тебя от уз, но так ты станешь зверем. Тогда убить тебя придется другому Охотнику. Выбирай, молодой охотник, — Озпин небрежно пожал плечами и заговорил так, словно обсуждал погоду, а не судьбоносное для Жона решение. Как будто он уже много-много раз говорил об этом в прошлом, и у Жона закралось подозрение, что так оно и было.

— Разве у меня есть выбор? В любом случае я стану чудовищем, — с горечью произнес Жон.

— Ну, в одном из вариантов ты сохраняешь свой разум. Это не так уж плохо. На улицах Ярнама почти все заражены Пепельной кровью. Ты окажешь им услугу, освободив от проклятого существования. — губы Озпина скривились в отвращении — то ли от судьбы людей, превращенных в зверей, то ли от чего-то ещё…

Тряхнув головой, чтобы отогнать старые воспоминания и сожаления, Озпин продолжил свою маленькую беседу с Жоном. — Кроме того, как только ты завершишь охоту, ты освободишься от своих уз и сможешь снова стать обычным человеком. И все это просто исчезнет, как дурной сон с лучом рассвета.

— И когда же охота завершится? Когда я убью всех зверей на этой земле?

— Нет, нет. Звери — это проклятие, а проклятие — это симптом. Чтобы завершить охоту, покончи с тем, кто ответственен за эпидемию. Ты будешь знать, что делать, когда придет время… но до этого ещё далеко. У тебя не хватит сил и умений даже добраться до него, не говоря уже о том, чтобы убить. Иди, вернись в Ярнам, убей несколько зверей и стань сильнее благодаря крови своей добычи.

— А… что если я не буду достаточно силен, что если я умру? — пробормотал Жон, вспоминая свою смерть. Конечно, однажды он как-то обманул смерть, но это не значило…

— Ты уже за гранью смерти, юный Охотник. Когда ты умрёшь, то просто вновь очнешься от сна. Есть только два варианта развития событий: ты сдаешься и уступаешь Крови, становишься ещё одним безмозглым монстром, которого нужно истребить. Или…

— Или? — в недоумении повторил Жон.

— Или ты упорствуешь и сокрушаешь своих врагов своей способностью игнорировать смерть и учишься на каждой неудаче. Улицы утонут в океане крови, и только от тебя зависит, будешь ли ты плыть по течению к свободе или будешь поглощен потоком.

Лицо Жона исказилось в горькой улыбке. — Полагаю, у меня нет выбора. Мой разум… кровь и это место влияют на мой разум, не так ли? Я могу использовать оружие, которое никогда не держал в руках раньше, и… часть меня жаждет, чтобы я вышел и начал убивать добычу.

— Тем лучше, если ты станешь Охотником, молодой человек. У тебя всегда есть выбор, даже

если тебе не нравятся последствия. Вопрос в том, сможешь ли ты жить с самим собой после того, как сделаешь этот выбор. И последнее: ты устойчив к этому злу, но не иммунен. Никогда не забывай об этом.

Жон не стал удостаивать старика ответом, он повернулся к Озпину спиной и вышел из мастерской. Сжимая оружие в костяшках пальцев, он поступил в соответствии с новыми знаниями, пришедшими ему в голову, и опустился на колени перед одним из надгробий, мимо которых он проходил по пути наверх, после чего протянул руку.

Мир вокруг него задрожал, и зрение снова затуманилось, знакомая тьма нахлынула на него, а земля, казалось, просто провалилась.

— Это… настораживает. Я не могу представить, что испытывает Жон, но это выглядит… как… как… — Блейк с трудом подбирала слова, чтобы описать то, что она только что увидела.

— Это похоже на то, что он обречен быть Охотником до тех пор, пока все Гримм на Ремнанте не будут уничтожены, не имея возможности даже умереть, чтобы освободиться от долга. А если он сдастся… — Рен помрачнел и тихо поблагодарил за то, что у охотников Ремнанта есть возможность уйти на пенсию… даже если большинство из них уходят на пенсию окончательно.

— Если он сдается, он станет Гримм, которого убьют его бывшие товарищи. Это… это проклятие. Это настоящий ад. … судьба не может быть такой жестокой, не может, — Пирра безучастно смотрела на экран, такой участи она не пожелала бы никому, а видеть, как это происходит с её другом, — это причиняло ей физическую боль.

— Подожди, если бесстрашный лидер становится сильнее от крови своих врагов, делает ли это его вампиром? — с любопытством спросила Нора, пытаясь разбавить тяжелую атмосферу юмором.

— Нет, не делает… Вообще-то, если подумать, он вроде как вампир. Но не классический вампир, он не пьет кровь, если тебе интересно, а… впрыскивает ее прямо в организм. И он также не превращается в пыль под солнечными лучами.

Шум утих, и экран ожил, показывая, как Жон просыпается на том же столе, на котором он лежал в самом начале.

Он сел и уставился на предметы в руках — пистолет и трансформирующуюся трость. — Это не сон. Черт.

Поднявшись на ноги, он перевел трость в форму кнута для большей дальности и контроля ситуации, а затем направился вниз по лестнице, стараясь ставить ноги так, чтобы ничего не сломать.

Конечно, у подножия лестницы сидел волк. За исключением нескольких больших пятен окровавленной плоти, где шерсть была сожжена, волк был очень даже цел. Занимаясь своими ранами, зверь не заметил, что его бывшая добыча вернулась в образе Охотника с убийственным взглядом.

Подняв кнут, Жон нанес удар, и зазубренные лезвия с минимальным сопротивлением разорвали шерсть и плоть волка, вырвав из него большие куски и залив окрестности кровью.

Болезненный рев больше не терзал его уши, а стал прекрасной музыкой его триумфа. Нанося удары снова, снова и снова, Жон продолжал терзать чудовище.

Быстро уйдя с траектории яростного выпада, Охотник почувствовал, как на него снизошло чувство ясности, и мир стал более четким. Он словно видел, как все происходит в замедленной съемке: уклонение, удар, снова уклонение, ответный удар. Все движения совершались просто, без особой мысли.

Увидев возможность закончить бой, блондин мгновенно ею воспользовался. Выстрелив из пистолета, когда волк был в середине выпада, зыбучий патрон попал в плоть и вошел в нее, обжигая и отравляя кожу и заставляя зверя взмыть в воздух от шока, вызванного внезапной агонией.

Бросив хлыст, Жон шагнул вперед и вонзил правую руку в зверя, усиленная старой кровью сила и плоть легко пробили ослабевшее тело волка. Повернув руку внутри раны, Жон почувствовал, как импульс энергии пронесся по его телу, вниз по руке и в зверя. Выдернув руку, он был вознагражден брызгами крови: внутренности волка вырвались наружу.

Жон, наблюдая за безжизненными останками на полу, сделал несколько глубоких вдохов. Он сделал это, его первое убийство. Он был великолепен: победа, ощущение силы от крови. Он хотел, нет, ему нужно было…

Кулак Жона уперся в его правую щеку, и он выплюнул небольшую струйку крови. Боль быстро прояснила его сумбурные мысли, после чего исчезла, чему он был весьма благодарен. Инстинкт подсказывал ему, что жажда крови, которую он почувствовал в конце, приведет его на дорогу, по которой он не хотел идти.

Его пробрала мелкая дрожь, когда он вспомнил последнее предупреждение Озпинса о том, что он устойчив, но не иммунен. — Я должен сопротивляться этому до конца? — Жон сглотнул и потратил несколько мгновений на то, чтобы успокоиться, прежде чем двинуться в путь.

— Черт, Блевунчик умеет драться, — отметила Янг, наблюдая, как Жон прокладывает себе путь через обезумевших зараженных жителей города, причем его ловкость позволяла ему уклоняться от выстрелов даже в упор.

— Мне это не нравится, — произнесла Руби, продолжая прятаться за капюшоном. Её выражение лица менялось между желанием поддержать своего товарища по команде и попытками не стошнить от бессмысленного насилия.

Было тревожно наблюдать за тем, как её друг, игнорируя смертельные удары, продолжает сражаться. Среди смертельных ранений были пуля в глаз, вскрытое горло или удар ножом в сердце. Ни одно из них не убивало Охотника до тех пор, пока он не преодолевал неизвестный порог повреждений.

Раны просто срастались или затягивались и возвращались в исходное состояние, по мере того как он продолжал сражаться и наносить урон своим противникам. Когда между нанесением урона и контратакой проходило слишком много времени, раны переставали заживать, и тогда Жон вливал в себя пузырек старой крови, регенерируя или стирая полученный урон.

Руби снова вздрогнула, увидев, как Жон, ослепленный ударом молота гигантского монстра, взмыл в воздух, но тут же встал и отошел от полученных повреждений. После одного яростного «кровавого взрыва» не осталось никаких признаков того, что Жон был ранен, кроме того, что он весь пропитался кровью.

Жон сплюнул на труп, лежащий на полу, и стал подниматься по лестнице. Остановившись на полпути, он нахмурился и посмотрел на солнце, висевшее над горизонтом. — Что-то здесь не так, я занимаюсь этим уже несколько часов, а солнце всё ещё не зашло. Мне кажется, оно вообще не двигается.

Тряхнув головой, чтобы прогнать от себя бесполезные мысли, он возобновил подъем и оказался перед запертыми дверями, мимо которых проходил ранее. Хмыкнув, он взялся за рычаг, откинул его и отпер дверь, и только он собрался пройти, как его внимание привлек голос.

— Кто… вы? Я не узнаю вашего голоса, но я узнаю этот запах… Вы Охотник? Тогда, пожалуйста, не могли бы вы поискать мою маму? Папа не вернулся с охоты, и она пошла искать его, но теперь боюсь, что она уже не вернется. Я совсем одна, и мне страшно, да и благовония заканчиваются.

Жон поднял голову и заметил девочку в красном капюшоне, которая смотрела на него через окно. В отличие от всех остальных людей, с которыми он сражался и которых убивал на улицах Ярнама, девочка не была ни обезображена, ни совершенно безумной, и ему было приятно впервые за целую вечность увидеть дружелюбное лицо. Озпин и кукла не в счет.

— Эй! Смотри, Рубс, это ты. Ты выглядишь очаровательно! — Янг обняла свою сестру и начала растирать костяшки пальцев по голове бедной девочки.

— Эй! Прекрати, Янг! — Жнец в капюшоне безрезультатно пытался бороться с более сильной девушкой.

— Твой отец тоже охотник? Ну что ж, я могу поискать их.

— Правда? Спасибо! Моя мама носит белый капюшон, и у неё красная брошь с драгоценными камнями. Она большая и… красивая. Вы не пропустите её. О, я чуть не забыла… Если вы найдете мою маму, отдайте ей эту музыкальную шкатулку. Она проигрывает одну из любимых папиных песен. И когда папа забывает нас, мы играем ему, чтобы он вспомнил. Мама такая глупая, убежала без нее!

— Конечно, малыш. Я тебя не подведу.

— Я не ребенок! Меня зовут Руби, и мне уже почти десять лет! — Юная Руби недовольно покосилась на Жона, и Охотник не удержался от небольшого смешка и потянулся к окну,

чтобы потрепать её по голове.

— Конечно, конечно. Я поищу твоих родителей, оставайся в доме. Улицы больше не безопасны.

— Хорошо, мистер Охотник. Я буду вести себя хорошо, обещаю.

— Меня зовут Жон Арк, коротко и ласково, прямо с языка слетает. Просто сиди тихо, и я вернусь, не успеешь оглянуться, — Жон помахал на прощание милой девочке и продолжил свой путь, музыкальная шкатулка была надежно закреплена в его… куда бы ни исчезло его оборудование, пока оно ему не понадобилось.

Пока команда RWBY была занята воркованием и хихиканьем над юной Руби, Нора хмуро взирала на экран, наблюдая за тем, как Жон продолжает свой кровавый крестовый поход. — У меня плохое предчувствие.

Он застонал от боли, когда его отправили в полет через несколько бочек и окно. Жон успел вовремя вскочить на ноги и вцепился в почти полностью превратившегося монстра. Не в силах долго сопротивляться его нечеловеческой силе, охотник глубоко вдохнул, после чего уступил.

Подгоняемое собственным импульсом, чудовище перелетело через голову Жона и кувыркнулось через край крыши. Жон при каждом ударе слегка морщился, когда тело зверя отскакивало от стен и выступов, и в конце концов шлепнулось на самое дно.

Мягкий хлопок дал ему понять, что он не так одинок, как ему показалось вначале. К дальней стене прислонилась женщина, одетая в вариант костюма чумного доктора.

— О, Охотник, да? И чужак? Ну и влип же ты. И сегодня ночью, из всех ночей. Приготовься к худшему. Людей не осталось. Они все теперь звери, жаждущие плоти.

— Это профессор Гудвич, интересно, скоро ли мы все появимся в этом мире? — пробормотала Блейк.

Заметив, что Жон не собирается уходить, Гудвич усмехнулась и подняла голову, глядя на нового Охотника. — Все ещё здесь? Что случилось? Неужели ты, охотник, испугался нескольких зверей? Хе-хе-хе… Неважно, без страха в сердце мы мало чем отличаемся от самих зверей. Но хватит уже трястись в своих сапогах. Охотник должен охотиться.

Высказавшись, Охотница-ветеран перепрыгнула через край, и когда Жон тут же бросился к ней, её и след простыл. — Что ж, это было… интересно, но, полагаю, она не ошиблась. Чем скорее я вернусь к охоте, тем скорее смогу освободиться от этого проклятого места. Я… черт, забыл спросить о родителях Руби. Ладно, неважно, я уже встретил двух здравомыслящих людей, должно быть, мне везет.

— О, у меня очень плохое предчувствие по этому поводу. Если просмотр всех этих фильмов

ужасов в прошлом чему-то и научил Нору, так это тому, что все всегда будет становиться хуже, а настоящие счастливые финалы — это практически единороги.

— Нет, нет, нет, — Жон пронесся мимо огромной свиньи в канализации. Какого черта свинья там делала и как она стала достаточно большой, чтобы занять половину дренажной системы, он не хотел выяснять. Он знал только, что ни за что на свете не станет снова драться с этой тварью в замкнутом пространстве, и что касается смерти, то быть раздавленным до смерти было одним из менее приятных способов уйти. Он вернется, когда станет сильнее, проклятая свинья уже стоила ему слишком много отголосков крови, когда застала его врасплох в первый раз.

Вскарабкавшись по лестнице в конце на несколько ступенек за раз, он погрозил свинье пальцем, когда она врезалась в стену и не смогла его сбросить. — Я вернусь за тобой позже, ублюдок!

Подкравшись к одной из «горгульей» и одинокому зараженному человеку с щитом, Жон нанес обоим удары в спину и слегка толкнул массивный шар, пропитанный маслом и смолой. Шар превратился в пылающее исчадие ада, загоревшись благодаря упавшему факелу, огненный шар опрокинул ничего не подозревающих людей на другом конце моста.

Почувствовав знакомый прилив сил от убийств, Жон решил снова ударить себя по лицу, дабы отогнать жажду крови. Он чувствовал, что ему все труднее вытеснять её из головы, но хорошо это или нет — ещё предстоит выяснить.

Поднимаясь по лестнице и расправляясь с несколькими зверями, неудачно вставшими на его пути, он слышал все более громкие звуки раздираемой плоти. — Звери сражаются друг с другом или это другой охотник?

Выйдя из переулка, он увидел, как охотник топором отрубает голову одному из зараженных зверей посреди кладбища. Вокруг него лежала дюжина трупов, каждый из которых тоже был разрублен на куски.

— Звери по всему участку. Рано или поздно ты станешь одним из них, — Тайянг Сяо Лонг оторвался от «разделки» и посмотрел на Жона. Подросток ахнул, увидев, что охотник возвышается над ним на добрых полметра, не меньше.

— Папа? Черт, что с ним случилось? — спросила Янг, глядя на своего отца. Он выглядел слишком похожим на тех деформированных людей, которых Жон уничтожал по пути сюда.

— Ну… по крайней мере, он жив? — предположила Руби.

— Не говори так! Ты его сглазила! — крикнула Нора и обвиняюще указала пальцем на Руби.

— Воу-воу, я не собираюсь превращаться в зверя в ближайшее время. Ты ведь охотник, верно? Ты знаешь… ах, черт, я забыл спросить имя, — Жон ударил себя по лицу, когда понял, что забыл спросить у Руби имена её родителей.

— Хех, это уже не важно, — Тайянг отвел глаза в сторону с отрешенным взглядом.

— Прости? Я не уверен, что ты меня понимаешь! — вскрикнул Жон, едва увернувшись от внезапного удара топора. С расширенными от внезапного нападения глазами, он бросился в сторону, когда Тайянг поднял пистолет и нажал на курок.

Вместо одной пули, как из всех пистолетов, с которыми он до сих пор сталкивался в этом безумном городе, из его пистолета вырвался сноп дроби, и взрыв отправил его в полет.

Захлебываясь кровавым кашлем, Жон вколол себе пузырек с кровью, чтобы залечить раны, и поспешил встать. — Какого черта ты делаешь! Я такой же Охотник, как и ты! Почему ты нападаешь на меня?!

— Охотник? Охотник. ОХОТНИК! — Тайянг с рычанием прыгнул вперед, его топор вытянулся в середине замаха и снова застал Жона врасплох, лезвие топора глубоко вонзилось в плоть и отправило его в полет через несколько надгробий.

Снова впрыснув в себя кровь, Жон отступил назад по каменным ступеням, пытаясь сократить расстояние между собой и явно безумным человеком. — Я не хочу с тобой сражаться! Я просто пытаюсь найти родителей Руби!

— Р-руби? — Тайянг схватился за голову от боли и покачнулся на ногах, затем снова зарычал и бросился к Жону, в его глазах ярко горело безумие. — Я… аххрагхх!

— Черт. Проклятье! — Жон выстрелил из своего пистолета и выругался, когда Тайянг просто отшатнулся от удара, а не зашатался, как все, с кем он до сих пор сталкивался.

Ударяя тростью, Жон старался изо всех сил выстоять под неустанным натиском и контратаковать, где только мог. Он не хотел причинять ему боль, но его противник не собирался облегчать ему задачу.

Неверно уклонившись, он снова получил ударом топора в грудь, и, когда воздух вышел из его легких, он снова полетел, на этот раз через край платформы и свалился на более низкую.

Как только боль утихла, он открыл глаза и увидел, что на него смотрят остекленевшие глаза женского трупа. Но не это привлекло его внимание. При виде белого капюшона и красной броши его сердце сжалось, и он смог выдохнуть только хрип.

— Нет, — в отчаянии выкрикнул Жон.

Вертикальная линия вдоль её груди, проходящая от того места, где какой-то предмет с лезвием проник внутрь и впоследствии прорезал одежду и расположенные за ней органы, не оставляла никаких сомнений относительно причины смерти. Ошибки быть не могло, он был до боли хорошо знаком с оружием, которое это сделало, в конце концов, оно было тем же самым,

которое только что отправило его за грань.

— М-мама? — Руби вскрикнула, увидев лежащую в грязи изломанную фигуру своей матери Саммер Роуз. Она лишь смутно осознавала, что Янг крепко обнимает её, говоря, что все будет хорошо. На это было слишком больно смотреть, даже если это было не по-настоящему. Руби всхлипнула и погрузилась в объятия Янг ещё сильнее, прежде чем слезы успели пролиться.

— Она же… мама Руби… — Глаза Жона вспыхнули красным, когда он уставился на охотника, который прыгнул вниз, навстречу ему с поднятым топором. — Я убью тебя… Я УБЬЮ ТЕБЯ НАХУЙ! СЛЫШИШЬ МЕНЯ!

С тростью в руке, Жон с невнятным ревом набросился на Тайянга. Два охотника сражались на выступе, слишком маленьком для такого поединка, и ни один из них не уступал, стремясь завалить друг друга в грязь. Одним двигало безумие, вызванное зверем, другим — белая ярость оттого, что он подвел своего первого и единственного друга в этом забытом богом городе.

Выстрелив в руку Тайянга из пистолета, чтобы оглушить Охотника, Жон сбил его с ног, а затем прыгнул вниз, нанося удар тростью.

Обессиленный ударом и падением, Тайянг не успел вовремя среагировать и дал Жону вогнать серебряную трость ему в живот и пригвоздить к полу. В глазах всё ещё полыхало пламя, Жон направил силу своей крови в кулаки и начал осыпать упавшего Охотника ударами подобно молоту, стремясь проломить ему череп.

Тяжело раненный, Тайянг не желал просто так умирать. Схватив один из окровавленных кулаков Жона, он одним ударом отшвырнул молодого Охотника в сторону -Пепельная Кровь давала ему все больше силы, по мере того как лишала его человечности.

С последним нечеловеческим ревом Тайянг заставил себя подняться, протащив свое тело сквозь трость, пригвоздившую его к полу. Пропитанный кровью своих врагов и самого себя, мужчина схватился за голову и задрожал, вокруг него образовались желтые полосы света.

Жон с рычанием выбрался из груды разбитых надгробий, на которые он приземлился, и приготовился ко второму раунду. Подгоняемый гневом, он даже не вздрогнул, когда тело Тайянга взорвалось в потоке крови и внутренностей, и из него вышел огромный оборотень в изорванных остатках костюма охотника.

— Проклятый монстр, это все твоя вина! Умри! Умри! Умри! Умри! СДОХНИ! — Жон бросился вперед и начал бить бывшего Охотника голыми руками, адреналин в нем заглушал боль от контратак Тайянга.

Их схватка разрушила и без того поврежденное кладбище до такой степени, что невозможно было сказать, чем оно было до схватки. Каждое надгробие превратилось в обломки, а каждое дерево было либо выкорчевано, либо превратилось в щепки.

Но двое все равно продолжали сражаться.

В их буйстве, подпитываемом кровью, дуэт сначала был равным, но постепенно Жон начал одерживать верх, так как Тайянг не мог справиться со способностью Жона к исцелению во время боя или инъекций крови, не имея ни того, ни другого.

Наконец, все закончилось тем, что Жон слишком поздно уклонился от удара когтями. Удар пронзил его грудь и впечатал его в стену, оставив после себя паутину трещин. Подняв голову с кровавой ухмылкой, Жон достал бутылку с коктейлем Молотова и бросил её прямо в открытую пасть Тайянга.

Бутылка лопнула, когда оборотень вгрызся в инородный предмет, разбрызгивая горящую жидкость по всему телу и глотке.

— Мерзкая тварь, ты слаб к огню, да?! — прорычал Жон и опустошил свой запас зажигательных смесей, бросив все в мутировавшего охотника, чтобы добить его.

Впрыснув себе последний пузырек крови для исцеления, Жон, пошатываясь, подошел к трости, которая всё ещё была воткнута в землю. Резким движением он выдернул оружие и подошел к горящему телу оборотня, не обращая внимания ни на жар, ни на вонь горящей плоти.

— Это за Руби, — подняв оружие над головой, Тайянг издал последний скорбный вой, глядя на своего палача. В его ушах это звучало как крик «прости», но Охотника это уже не волновало. Каким бы человеком ни был этот зверь, его больше не было, оставалось только усыпить его, как бешеную собаку, и упокоить его призрак.

Нанеся последний удар двумя руками, Жон пробил тростью череп зверя, размозжив его и убив монстра.

Прилив силы, подтверждающий убийство, на этот раз принес лишь горечь. Он потерпел неудачу, и что, черт возьми, он должен был теперь сказать Руби. Мама бедной девочки больше не вернется домой, а отец так и не нашелся.

Подойдя к трупу Саммер Роуз, Жон взял кулон и решил отнести его Руби. Он проклинал свою неспособность сделать что-то большее, да и «победа» имела вкус пепла.

RWBY и NPR молчали, пока шел фильм. Они могли быть тренированными Охотниками, но такого уровня жестокости никто из них ещё не видел. Руби всё ещё тихо дрожала, а самой Янг было не намного лучше, несмотря на её храбрый вид.

В этой вселенной её отец только что зарезал её маму и превратился в монстра только для того, чтобы его усыпил её друг. Сейчас все её эмоции были на пике, и ей это ничуть не нравилось.

Пройдя мимо кладбища в само здание собора, он застал смотрителя, сидящего в углу в

окружении горящих благовоний, которые отпугивали зверей Ярнама. Убедившись, что это место будет служить убежищем для незараженных, юноша повернул назад, возвращаясь к Руби. Он не мог спасти её маму, но, возможно, ему все же удастся защитить её.

Жон вздохнул и закрыл глаза, мысленно погружаясь в «Сон Охотника». Когда он снова открыл глаза, он стоял в знакомом саду с надгробиями.

— А, добро пожаловать домой, добрый Охотник, чего ты желаешь, — кукла Вайсс поприветствовала его, когда он подошел, но если она и заметила горькое выражение на его лице, то никак об этом не намекнула.

— Мне нужно больше силы… У меня есть чертовы отголоски для этого, — произнес Жон, после чего замолчал, когда кукла подняла руку, чтобы сотворить свое волшебство. Прилив сил пронесся по его телу, и он почувствовал, как запас энергии внутри него уменьшается, становясь частью его физической силы.

— Дело сделано, пусть ты найдешь свою ценность в мире живых, добрый охотник.

Попрощавшись с куклой, он устремился в мастерскую, где в кресле-каталке его ждал Озпин с вечной ухмылкой, которую Жону так хотелось стереть.

— С возвращением, молодой Охотник, как идет охота?

Жон не обратил внимания на старика и сосредоточился на ремонте своего оружия: трость сильно пострадала в бою с Тайянгом.

— Ты никогда не говорил о том, что охотники превращаются в зверей.

— А должен ли я был это говорить? Кажется, я уже упоминал об этом, есть только два способа расстаться с ролью Охотника: либо завершить охоту, либо превратиться в зверя. И если ты превратишься, другой Охотник будет рядом, чтобы освободить тебя от проклятия. Сопротивление — это не иммунитет.

Жон наградил Озпина злобным взглядом, затем вздохнул и вернулся к своей работе. Как бы он ни презирал его, старик говорил правду. Он упомянул об этом в самом начале, просто он не думал, что сможет лично убедиться в этом.

— Почему? Скажи, почему все происходит именно так? — вслух посетовал Жон и был в меру удивлен, когда Озпин дал прямой ответ, или настолько прямой, насколько он вообще мог получить от старика.

— Мы рождаемся из крови, становимся мужчинами благодаря крови, освобождаемся благодаря крови. Старая кровь избавляет нас от слабых ограничений человеческой природы,

она позволяет нам выйти за пределы того, чем мы являемся. Добро становится великим, но…

— Зло же становится ужасным, верно?

— Именно так. Без мелких ограничений «внутренний зверь» в человеке становится необузданным. Старая кровь просто освобождает «зверя» внутри и меняет твою форму, чтобы соответствовать этому зверю. Можно сказать, что это самое правдивое отражение человечества.

— А лекарство?

— Смерть… или потеря своей человечности. Когда-то я верил, что человечество может преодолеть свои низменные инстинкты и эволюционировать в нечто высшее, но снова и снова мне доказывали, что я ошибаюсь. Ничего не изменилось, ничто никогда не изменится. Старайся изо всех сил, чтобы добиться успеха, пока не потеряешь себя, молодой Охотник.

Жон промолчал, затем взял починенную трость и направился к выходу, намереваясь вернуться в Ярнам и… найти способ сообщить Руби плохие новости.

— Ну, по крайней мере, Руби ведь теперь будет в безопасности? — нервно спросила Вайсс и сглотнула, когда Бланк промолчал.

Светловолосый охотник вернулся к дому Руби и не решался постучать в дверь, не в силах набраться смелости, чтобы встретиться с ней лицом к лицу. Но решение о том, стучать или нет, ушло из его рук, когда Руби сама открыла дверь.

— Ах, мистер Охотник, мне показалось, что я узнала знакомый запах. Вы уже нашли мою маму?

— Я… нет. Пока нет, но я продолжу поиски, — Глаза Жона опустились, когда он посмотрел на широкую улыбку Руби, он не мог этого сказать. Он не мог разрушить её надежды. Драгоценная брошь в его кармане тяжело лежала на душе.

— О… ладно. Я буду ждать, но разве я не могу что-нибудь сделать? Может быть, мама и папа застряли где-то там и ждут, пока я их найду. Что вы думаете, мистер Охотник? — Руби спросила с невинной улыбкой на лице, и сердце Жона сжалось при воспоминании о бедной женщине, которую он не смог вовремя спасти. И её отец тоже мог быть среди тех, кого убил тот безумный охотник…

— Я… я не думаю, что это хорошая идея — пытаться найти их. Я… у тебя ведь закончились благовония? Эм… в соборе, мы… мы можем пойти туда, там ты будешь в безопасности и… и если я найду твоих родителей, я направлю их туда, хорошо?

— Хорошо, мистер охотник. Я сама знаю дорогу туда, я только соберу свои вещи и в путь, —

Руби бросилась в дом собирать свои вещи, а Жон остался ждать снаружи с выражением боли на лице.

— Да… не торопись, Руби, я буду ждать тебя здесь.

Полностью погруженный в свои мысли о неудаче, Жон не заметил, как к нему подкралась зараженная собака, пока зверь не впился клыками в его шею.

— Арг, отвали… от… меня!

Не имея возможности достать собаку своим оружием, Жон с трудом справился со своим внезапным пассажиром, так как от боли и отсутствия доступа к воздуху его зрение затуманилось. Он метался, как пьяный, и первым признаком того, что он совершил ужасную ошибку, было то, что его ноги потеряли опору, и он и собака упали на лестницу, по которой ему пришлось взбираться, чтобы добраться до дома.

Врезавшись в землю несколькими этажами ниже с тошнотворным хрустом, и охотник, и собака погибли от удара.

После нескольких секунд темноты, которая сопровождает каждую смерть, Жон очнулся, полностью освеженный и исцеленный. Проклиная свою рассеянность, он вдруг резко осознал, что только что умер и оставил Руби одну в её доме, Руби, которая уже намеревалась самостоятельно добраться до Собора… по кишащим зверями улицам.

— РУБИ!

Он бросился к её дому, выкрикивая её имя, и его худшие опасения подтвердились, когда он обнаружил, что дом пуст, а благовония погасли.

Даже сквозь пелену паники в его голове зародился страх, он начал искать подсказки, куда направилась девочка.

Перебегая с места на место и оставаясь только для того, чтобы прикончить зверей, которые были настолько глупы, что встали на его пути, он отчаянно обыскивал окрестности в поисках каких-либо следов девочки в красном капюшоне, но ничего не находил.

Он выругался, когда его ослепил один из гигантских монстров и впечатал ему в лицо половину кирпича. Закричав от боли и гнева, он вонзил руку в него и бросил его наземь, сбросив тело в канализацию и размозжив его.

Чудовищное хрюканье возвестило о появлении той самой гигантской свиньи, которую он обошел стороной ранее. — У МЕНЯ НЕТ НА ЭТО ВРЕМЕНИ, УЙДИ С ДОРОГИ!

Бросившись на огромного зверя, он взмахнул хлыстом и выстрелил в упор из пистолета, разрывая шкуру монстра в клочья, выпуская наружу все свое отчаяние.

Боль захлестнула его, когда свинья укусила его за левую руку, мгновенно раздробив кости и заставив его выронить пистолет. Бессвязно рыча, Жон бросил трость и сцепил пальцы своей руки в форме клина, а затем вонзил его в левый глаз свиньи.

От удара волна энергии разнесла череп свиньи в серую жижу, после чего оставшаяся часть зверя упала на бок. Пыхтя от натуги, Жон почувствовал, что его левая рука восстанавливается после нанесенного урона, и заметил, как тело свиньи начало таять, превращаясь в ил, а не сохраняя свою форму, как другие убитые им до сих пор звери.

После исчезновения свиньи осталось несколько полупереваренных трупов и предметов одежды — останки предыдущих жертв свиньи.

Жон уже собирался идти дальше, когда один предмет привлек его внимание. Кровавый рваный красный капюшон всё ещё был накинут на труп, слишком маленький, чтобы принадлежать взрослому человеку.

— Нет… нет… нет… нет… нет… это моя вина? Я… я не убил свинью раньше… я… я… я… — Жон опустился на колени и обхватил голову руками, широко раскрыв немигающие глаза.

Какое-то время он просто стоял на коленях в гробовом молчании.

И вдруг раздался крик.

— Я… аххх… аххх… аххxxx

ни старались. Прошлые ошибки имеют привычку в конце концов настигать вас, вы ведь понимаете что я имею ввиду мисс Белладонна?

Блейк захлопнула рот со звучным хлопком, когда её прошлое с белым клыком было снова поднято.

— Мы сделаем небольшой перерыв, не бойтесь освежиться. Умывальные комнаты находятся в задней части кинотеатра, и не стесняйтесь обращаться за любой едой или напитками. Следующий фильм начнется, как только вы все вернетесь.

Список актеров:

Жон Арк в роли Охотника

Озпин в роли первого охотника Германа

Вайсс в роли куклы

Тайянг в роли отца Гаскойн

Саммер в роли жены Гаскойна

Руби в роли девочки из Ярнама

Глинда Гудвич в роли вороны Эйлин

http://tl.rulate.ru/book/85766/2742829